

Недельская Олеся Сергеевна

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ "ОТТЕПЕЛИ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/12-2/22.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 12 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-66. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

9. Измestьева Т. Ф. Россия в системе европейского рынка (конец XIX - нач. XX в.). М., 1991. 190 с.
10. Меценатство на Брянщине: история и современность. Брянск, 2005. 15 с.
11. Наша родная Брянщина. Тула, 1973. Ч. II. 145 с.
12. Пантин В., Лапкин В. Краткий миг российской свободы // Знание - сила. 1991. № 8. С. 1-8.
13. Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2001. Т. 2. 360 с.
14. Полное собрание законов II (ПСЗ). Т. 11. Отд. II. № 9763; СУ 907. Отд. ст. 177, 191, 192, 314, 315, 419.
15. Поткина И. В. Деловая Москва (очерки по истории предпринимательства). М., 1997. 64 с.
16. Поткина И. В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 2. Вторая половина XIX - начало XX века. 157 с.
17. Поткина И. В. Индустриальное развитие дореволюционной России. М., 1994. 231 с.
18. Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. 269 с.
19. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке: курс лекций. М., 1999. 431 с.
20. Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М.: ПРИОР, 1998. 495 с.
21. Хронология важнейших событий (к 130-летию истории завода) 1873-2003 гг. Брянск, 2003. 101 с.
22. Чураков Д. О. Полюса и краски социально-экономического обновления рубежа XIX-XX веков в промышленном центре России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение / под ред. Д. О. Чуракова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 129-148.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

*Недельская Олеся Сергеевна
МОУ СОШ № 78, г. Краснодар*

«Оттепель», под таким названием вошло в историю десятилетие, точкой отсчета которому послужила смерть «вождя народов» Сталина и начало десталинизации. Следует сразу отметить, что этот период был насыщен сложными и противоречивыми процессами. Он вместил в себя кризис режима личной власти, массовую реабилитацию жертв сталинских репрессий, определенную демократизацию политической системы и поворот к неосталинизму. «Оттепель» коснулась не только политики и экономики, но и нашла свое выражение в науке, искусстве и литературе (да и само название периода, как известно, пришло из повести И. Эренбурга).

Проблема «оттепели» как в духовной жизни советского общества, так и в одной из ее сфер - исторической науке предстает весьма многоплановой и неоднозначной. На первый взгляд историческая наука в СССР лишь функция мощной идеологической машины. Однако сводить ее только к служебной роли в системе государственной пропаганды было бы упущением. Нужно учитывать, что природа гуманитарных наук изменяется под воздействием даже небольших изменений в общественных условиях. Малейшее допущение автономности научного знания, малейшее ослабление давления власти рождает стремление к творческим поискам, и тем самым даже в идеологических рамках исторической науки намечается выход за пределы установленных властью канон.

Так и произошло в период «оттепели». Критика культа личности Сталина и его последствий произвела тот необходимый взрыв в общественном сознании, которому и была обязана своим возникновением постановка вопроса о свободе исследовательской деятельности, вернее о расширении рамок, ограничивавших эту свободу.

Вместе с тем, от высшего партийного руководства ученые ожидали даже не его устранения от роли наставника, а скорее надеялись на совершенствование стиля управления общественными науками, в том числе и исторической.

Пропагандистская оболочка исторической науки менялась быстро, по хорошо усвоенной технологии. Первое ее правило - сократить число упоминаний о не совсем угодных лицах в официальных изданиях, а всем неугодным - вообще исключить. С 20 марта 1953 г. имя Сталина реже встречается в заголовках газет, хотя в контексте о нем говорится как о вожде: «партия великого Сталина» [Политическая история, с. 523].

Первые высказывания в мартовской прессе о недопустимости культа личности не связывались с именем Сталина. Для историков, привыкших получать очередную «научную» установку с верхних партийных этажей настало время полного смятения. Привычную ясность должен был внести очередной партийный форум или постановление.

С особым вниманием руководство советской исторической наукой прислушивалось к рекомендациям, которые давались ему и ей в центральной партийной печати. Как к принятому закону пишутся распоряжения и инструкции, так и общие положения о направлениях и акцентах в исследовательской деятельности историков получали свою конкретизацию в партийной периодике [Сидорова, с. 35].

К середине 1950-х годов условия для разработки проблем советской истории несколько смягчились. Более того, сюжеты советской истории обрели и своего «независимого» исследователя: в науку пришли молодые ученые, поколение, для которых период 20-х - 30-х годов не был окрашен собственным опытом.

Важным событием для научной деятельности историков стал состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС. Он определил общее направление работы историков - преодоление сталинского догматизма и обращение к ленинскому наследию, но еще не задал ей жестких параметров. Поэтому на какой-то момент создавалась видимость самостоятельности исторической науки. Однако такой период был крайне недолог.

По окончании съезда советские историки приступили к популяризации его решений. Совершенно неотложной была объявлена задача научного изучения истории КПСС, которая в наибольшей степени пострадала от культа личности Сталина. Единственным критерием оценки предстают отныне ленинские положения. Долг историка - «вести последовательную и решительную борьбу с отступлением от ленинской оценки исторических событий, с элементами антиисторизма, с субъективистским подходом к истории» [XX съезд КПСС, с. 623]. Особое внимание уделялось проблеме освоения больших документальных и архивных массивов, затрагивались вопросы возрождения духа исследования. Но чрезмерная самостоятельность в поиске новых подходов к изучению истории не только не поощрялась, но и строго наказывалась. Провоцировала подобное отношение к творчеству боязнь высшего партийного руководства выпустить из своих рук идеологический контроль. Поэтому любые (даже трудноуловимые) посягательства на прерогативы партии в области науки пресекались самым строгим образом. Все изменения должны были вписываться в определенные границы.

Такая политика нашла свое выражение в новом витке репрессий в стране, в том числе и среди историков. Ярким примером тому может служить «Дело молодых историков» 1957 г. (или иначе «Дело Краснопевцева» по имени лидера «Союза патриотов» Льва Краснопевцева), которое пресекло стремление части историков к свободному осмыслению фактов прошлого. Члены Союза (многие из них студенты МГУ) были арестованы и приговорены к длительному заключению в исправительно-трудовых лагерях [«Дело» молодых историков (1957-1958)]. Была арестована и группа молодежи, входящая в «Союз коммунистов», организованный студентом исторического факультета Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена В. Трофимовым.

Таким образом, репрессии среди историков в годы хрущевской «оттепели» свидетельствовали о том, что появились исследования, не укладывавшиеся в установленные идеологические каноны. Обвинения в адрес ряда исследователей лишь подтверждали, что идеалы научности не были полностью утрачены и в годы идеологического прессинга. Интеллектуальная независимость части историков сделала историческую науку чем-то большим, нежели простым порождением политики КПСС.

Говоря об «оттепели», следует отметить, что одним из важнейших достижений этих лет стало введение в научный оборот больших документальных массивов. То что «свежий ветер» XX съезда распахнул двери советских архивов не было преувеличением. Кроме того, была начата большая публикаторская работа. Непременным правилом для составителей документальных сборников было комментирование всех материалов небольшевистского толка. Исследователь, таким образом, получал не только документ, который надо изучить и осмыслить, но и «рецепт» его использования. Это не означало, что историки не анализировали содержащиеся в них факты и суждения. Но опубликовать свои, отличные от общепризнанных выводы было не реально. Противостояли такому упрощенному исследовательскому методу далеко не все, но и не каждый ему следовал. В годы «оттепели» главные научные силы советских историков были сосредоточены вокруг подготовки многотомных изданий («Всемирная история», «История СССР», «История гражданской войны в СССР» и т.д.). Что касается монографических работ этого периода, они в целом не преодолели концепций «Краткого курса», но разрушили отдельные его догматы. Развенчав теорию двух вождей - Ленина и Сталина, историки произвели некоторую подмену, когда один вождь - Сталин уступил место другому - Ленину, что позволило исправить некоторые исторические перекосы и прямые фальсификации, но не изменило авторитарности исследований.

В годы «оттепели» смогли появиться книги, содержащие критику Сталина, среди которых громкую известность получил «1941. 22 июня» А. М. Некрича. Автор впервые V опубликовал секретные советско-германские документы 1939-1941г. из архива германского МИДа. Вокруг книги завязалась острая полемика, которая закончилась так, как заканчивались многие острые дебаты того времени: за отличный от официального взгляд автора на трагические события начала войны книгу запретили, частично уничтожили экземпляры, исключили автора из КПСС. Последующие после запрета 9 лет прошли для Некрича в изнурительной борьбе за право печатать свои работы. В результате выдающийся ученый вынужден был эмигрировать за границу. Появились в годы «оттепели» и исследования о выдающихся советских деятелях, погибших в результате сталинских репрессий, например, книга Г. А. Морягина «Постышев» (М., 1965) или Н. Д. Кондратьева о маршале В. К. Блюхере (М., 1965), в которых герои предстают перед читателями как стойкие ленинцы.

Со временем историкам становилось всё сложнее отразить самостоятельные выводы на печатных страницах. Идеологическая цензура к середине 1960-х г. обрела стабильность. В итоге её деятельности от некоторых изданий остались только упоминания.

XXII съезд КПСС внёс «идеологическую ясность». Его решения не были возвратом к идеям XX съезда. Скорее они свидетельствовали о том, что партия полностью взяла под свой контроль ход осуществления объявленных перемен. С этого момента процесс свёртывания «оттепели» приобрели необратимый характер как в общественной жизни в целом, так и в исторической науке.

В заключении, следует сказать, что процессы середины 50-х - середины 60-х годов, нашли выражение и в научной деятельности провинциальных историков. Идеи «оттепели» постепенно проникали и на Кубань. Но если в столице они имели большой резонанс, то на периферии это были слабые ростки нового.

В это время центром исторической науки Кубани становится историко-филологический факультет Краснодарского государственного педагогического института им. 15-летия ВЛКСМ. Он воспитал целую плеяду историков, в последствии определивших лицо исторической науки Кубани: В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнева, В. В. Криводеда, М. И. Серову, И. В. Устиновского, Б. А. Трехбрatова и др. Их научными наставниками стали не менее талантливые учителя: М. В. Покровский, М. М. Бабичев, Н. В. Анфимов, И. И. Алексеенко.

В годы «оттепели» на Кубани наблюдается оживление интереса к научно-исследовательской работе. Фактически все исторические исследования этого периода связывались с ролью и деятельностью КПСС в той или иной области знания. Характерной чертой было внимание к истории рабочего класса, профессиональных союзов, революционного движения на Кубани. В расширении тематики исторических исследований радикальных перемен не произошло. Основной контингент историков - историки КПСС, а они почти не менялись.

В это время расширился доступ к местным архивным документам. Но лишь на время и очень скупо. По-прежнему оставались «спецхраны» куда доступа фактически не было. Наряду с интересными работами, талантливыми творениями в крае было не мало проблем, наличие которых замалчивалось, а решение откладывалось.

Но как бы то не было, нельзя отрицать, что «оттепель» оказала определённое положительное влияние на дальнейшее развитие исторической науки, на формирование более прогрессивных взглядов историков. Достигновения этого периода вошли в общее здание исторической науки.

Список литературы

1. «Дело» молодых историков (1957-1958) // Вопросы истории. 1994. № 34.
2. XX съезд КПСС: стеногр. отчет. М., 1956. Т. 1.
3. Политическая история. Россия—СССР—Российская Федерация. М., 1996. Т. 2.
4. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. М., 1997.

Г. УРЮПИНСК В КОНЦЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ (ПО ДАННЫМ ПРОТОКОЛОВ ИСПОЛКОМА УРЮПИНСКОГО ГОРСОВЕТА)

*Ольшанская Наталья Михайловна
Волгоградский государственный университет, филиал в г. Урюпинске*

Изучение краеведческой литературы показало, что в настоящий период наибольший интерес среди исследователей вызывают темы, касающиеся проблем торговли и предпринимательства нашего края, истории церковной организации, образования в казачьем крае, а также событий Великой Отечественной войны. Несомненно, упомянутые проблемы заслуживают того, чтобы их изучали. Но краеведов мало интересует, как менялся город в середине прошлого века, так как традиционно считается, что это было своего рода «застойное время» в истории Урюпинска, что развитие началось именно в «хрущевскую оттепель». Информация протоколов горсовета помогла нам установить, что именно на последнем этапе сталинской эпохи, в 1951-1953 годах, в городе были заложены основы и начало будущего процветания.

1951 год. Страной по-прежнему управлял единолично И. В. Сталин, и в центре города, как во многих городах Советского Союза, уже был разбит сквер его имени с памятником вождю и в честь его названа улица на северной окраине города. Несмотря на то, что Урюпинск был всего лишь прифронтовым городом, лишения и тяготы военного времени отразились и на его развитии. Изменения в положительную сторону происходили медленно. Документы свидетельствуют, что средств на хозяйственные нужды не хватало: в этот год почти не строили новых объектов, ремонт производился старым материалом. Разрешалось разбирать старые железные кровли с навесов и снятое железо использовать на латание крыш домов, принадлежащих местному Совету. Именно так была отремонтирована фигурная крыша дома № 28 по улице Чапаева - было использовано кровельное железо, снятое с навеса во дворе дома № 43 по улице Красноармейской [АОАУР, д. 7, л. 51. об.].

В апреле месяце разрешили разобрать каменную стену по переулку имени Селиванова № 45 и «полученный строительный материал употребить на капитальный ремонт дома по улице Пушкина № 40» [Там же, л. 93. об.].

Взамен разобранной стены решено было поставить плетень — незаменимый элемент старого казачьего хозяйства. Этот факт говорит не только об острой нехватке строительного материала, но и о существовании традиционных хозяйственных навыков старых казаков, которые не утратились за предвоенные и военные годы и передавались по наследству. Плетни как средство ограждения использовались в г. Урюпинске вплоть до начала 60-х годов прошлого века.

Но постепенно стала налаживаться в городе торговая сеть: свои права на здания по улице Пушкина № 7-9 восстановил Смешторг [Там же, л. 84, об.]. По сообщению журналиста-краеведа П. И. Евстратова, именно в доме № 7 до революции проживал вахмистр Степан Иванович Нехаев, который на втором этаже содержал гостиницу, а в низах имелась кондитерская. Когда началась Первая мировая война, Степан Иванович ушел на фронт, храбро воевал в войсковой казачьей разведке и погиб в одном из боев недалеко от польского го-